

Олег
Ока

Один
в
поле...

Олег Ока

Один в поле... Фантасмагория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169513

ISBN 9785449081230

Аннотация

Опять борьба добра и зла. Герой не знает, к какой категории он принадлежит, но любовь и зло не соединимы, исключают друг друга. Хотя любовь к ведьме – штука непонятная.

Содержание

глава 0. Дешёвая распродажа	5
часть первая	9
глава 1	10
глава 2	18
глава 3	25
глава 4	33
глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Один в поле...

Фантасмагория

Олег Ока

© Олег Ока, 2018

ISBN 978-5-4490-8123-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

глава 0. Дешёвая распродажа

Это случилось во времена кризиса БАК, когда по причине политических игр вокруг Шушарского адронного коллайдера («СВОЕГО СОБСТВЕННОГО», как его называли в народе) весь мир неожиданно и катастрофически вдруг подрос на целых 4 (четыре) сантиметра. Когда шок от казуса немного сгладился, Егор, тогда обдумывающий нападение на пункт обмена валюты, что на углу улицы Васи Колокольниково и проспекта Славных Ветеранов, сказал напарнику :
– Теперь я для тебя БОСС, заруби на своём длинном носу. Услышу прежнюю непочтительность, и ты труп, если ты понимаешь, в чём дело.

– Великие пряники! – отозвался Шура Балаганов (это было его прозвище, а настоящего имени не знал никто, включая родителей.) – Дерьма больше на четыре сантиметра! Дерьмо, возвысившееся на полтора дюйма – дерьмо в квадрате!

И, гордый, он ушёл в круговерть пурги на Старо-Невском проспекте.

Егор остался сидеть в пивбаре на Гончарной в полном одиночестве и непонятной растерянности, всё дело, рассчитанное и основанное на двухметровом росте Шуры, повисло неопределённо над финансовой пропастью, а это грозило перспективой унижительного рабства на предприятиях купчинского авторитета Сломанного, который очень не любил

должников, объявляющих себя банкротами.

И вот, в самый разгар тяжкого раздумья выросшего до ста шестидесяти восьми сантиметров Егора, из мрачных глубин пивного зала к его столику вышел невысокий (что Егору понравилось) незнакомец в плаще с поднятым воротом, кожаной шляпе и длинной сигарете под крючковатым носом.

– Я, пожалуй, присяду, – процедил он невнятно и поставил на стол свою кружку пива, поднявший глаза Егор с удивлением и негодованием уже увидел визави чёрный верх шляпы и её поля, скрывающие глаза незнакомца.

– Творческий кризис? – процедил нахал. – Можем обсудить.

– Не думаю, – нетерпеливо и с негодованием отверг притязания на его дорогое одиночество несостоявшийся предпологаемый миллионер. – Свои проблемы я решаю сам.

– Интересно. Мне показалось, что утрата напарника повергла тебя в прострацию. Я имею в виду предложить небольшое предприятие, абсолютно не хлопотное, но в ожидаемой перспективе могущее принести желаемые дивиденды.

– У меня нет с собой сменной обуви, – упрямо ответствовал Егор, не переносящий резкой смены планов и обстановки. – Впрочем, я готов выслушать. Чисто холодно и абстрактно, не принимая пока никаких обязательств. Без упоминания адресов, мейлов и фамилий. С подписанием договора повременим.

Собеседник поднял тяжёлую кружку и надолго скрылся за ней, между её донышком и полями шляпы на Егора внимательно смотрели острые, жёлтые глаза.

– Ты думаешь, я предложу тебе план, схожий с той дуростью, которой ты так гордишься, но прозорливый Шура Балаганов увидел его окончание в холодном обезьяннике Крестов, и он выбрал верный вариант. Предлагаю последовать его путём, никакой уголовщины и стрельбы из спортивного пистолета.

– Дьявол! – наконец понял Егор и почувствовал холод и окоченение конечностей. Температура тела упала до комнатной, а в баре было довольно по зимнему. – Что ему от меня может быть надо? – он искательно посмотрел по сторонам, как-бы желая отыскать замену своему претендентству в планах незнакомца. В их сторону никто не смотрел.

– Перестань, Егор, ты один и никому не нужен даже в увеличенной ипостаси. У каждого здесь свои перспективы, и тебе в них нет места. Тебе нет места даже в завтрашнем дне, я говорю не о дне Обводного канала, а о дне жизни. Поразмысли. У тебя нет возможностей даже на следующую кружку пива, такова реальность, а я могу расцветить её серость. Угощайся.

С удивлением вдруг Егор увидел перед собой мокрый поднос, на котором стояли две запотевшие пенные кружки и тарелочка с варёными креветками и кучкой тёмных сухариков, обсыпанных перцем.

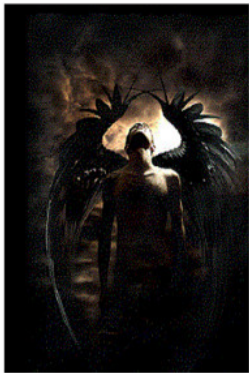
– Благодарить будешь летом, когда всё закончится.

– Летом! – чуть не закричал Егор. – У меня нет времени даже до грёбаного судного понедельника!

– Время! Вот условность. И тебе не придётся ждать, тебя не будет эти долгие пол-года... Я вижу, внутренне ты уже готов к пертурбациям, что-ж, так и будет.

Егор, уже протянувший руку к морозной кружке, хотел открыть рот с целью поинтересоваться обязанностями и будущей суммой, но незнакомец со стуком поставил свою кружку на столешницу, и Егор, вздрогнув, открыл глаза. Ему всё было ясно, и жизнь на ближайшую вечность казалась расписанной каллиграфическим почерком. Он сидел и неторопливо потягивал густое терпкое пиво. Ему ещё предстояла дорога домой по облитым лимонным светом сугробам Невского проспекта, на Васильевский остров

часть первая

глава 1

Все знают, что Люмиэль Гулливер «...после трех лет бесплодных ожиданий принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца „Антилопы“, отправиться с ним в Южное море... отплыли из Бристоля 4 мая 1699 года...»

Чем это закончилось, знают также все. Но далеко не каждый может сказать, на кой пёс это ему понадобилось?

Сам Гулливер сообщает о причине двояко: - " В течение шести лет я служил судовым хирургом, ...на этой службе я несколько поправил свои дела... Уходя в плавание, я всегда запасался большим количеством книг и все свободное время посвящал чтению лучших писателей..., а высаживаясь на берег, наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык. Благодаря хорошей памяти это давалось мне очень легко...»

В любом случае, поправлял-ли он своё финансовое положение, или изучал этнографию, испытал он много всякого невероятного и противоестественного, и человечеству это ничего ценного и хорошего не принесло. А самого Гулливера довело до полного пессимизма в отношении здравого смысла людского... Я ему так и сказал:

– Лемюэль, скажи откровенно, какой бес тебя потянул в эти странствия? Должен был кому-то? Я понимаю – моряки, это их профессия, другого они не умеют, втягиваются

в этот образ жизни, становятся профессионалами... Но ты был опытный врач, у тебя есть дом... Из-за денег? И оно того стоило?

Домочадцы Гулливеровы всё-равно считали его за дурачка, после его возвращения от гуингнов, и нашим разговорам не удивлялись, тем более меня они не видели, и эти его разговоры в угол со стороны здорово были похожи на паранюю. Поначалу он и сам так думал, потом решил, что пути Господни нам не доступны, и на этом успокоился, просто принял меня за данность.

– Не было никакого беса. Простой расчёт. На суше врачей много, и чтобы занять свою практику, нужно вложить много денег и труда. А на судне врач то-же, что и капитан, сам себе хозяин, только постоянных подчинённых не имеет. Но и даже капитан, бывает, попадает ему в подчинение.

– Но ведь ты уже из Бробдингнега вернулся состоятельным человеком. Ты мог строить счастье с женой, но твой друг купил тебя лестью, хорошим заработком, и ты бросил жену, как я вижу, прекрасную женщину, любящую тебя, и опять стал искать приключений на ж... на свою шею. Конечно, в записках ты делаешь оговорку, что это страсть к новым впечатлениям, желание изучить мир. И что? Твои записки считают сказками, тебя самого сумасшедшим...

– Ты подменяешь меня сегодняшнего тем молодым романтиком, которые ищут миражи, надеясь, что они лучше того, что составляет нашу жизнь. Сейчас, когда я убедился

в испорченности людской природы, мне ничего этого не нужно, только покой и самосозерцание. Люди со временем не меняются, меняется их восприятие жизни и её ценностей.

Сегодня у меня выходной, так я решил вчера, следуя испорченному мнению Гулливера о здравомыслии человеческого, и потому проснулся в семь часов утра. Закурил сигарету, лежал и оглядывал комнату. Телевизор включать не стал, ведь сегодня выходной, день, отданный себе, а значит, пусть и мозги отдохнут. Лежал и смотрел. Переводил взгляд по комнате, начиная от окна, вправо. Книжный шкаф, в котором за стеклом тёмные, академические тома библиотеки, принадлежащей хозяйке. Тёмные, вызывающие неприятие фамилии классиков, большими, наглыми позолоченными буквами: – «Толстой», «Пушкин», «Гончаров», «Тургенев», «Салтыков-Щедрин», «Достоевский», ... Быстро мимо, негоже выходной начинать с негатива, с мёртвых, окаменевших, ничего не говорящих имён... Дальше полки с моими книгами... Хемингуэй, Лем, Стругацкие, Экзюпери, Уэллс, Хейердал, Библия... Как освежающий душ после кошмарной ночи, полной теней и пота...

Дальше за коричневой шторой дверь в прихожую, там сумрачно и прохладно. Где-то на кухне уютно капает вода из плохо прикрученного крана. Справа от двери тумба для белья, в которой хранятся мои тряпки; носки, майки, шорты, полотенца... В верхнем ящике всякая чушь и мелочь, вро-

де проводов от ноутбука, зарядки для телефона, маркеров и гелевых ручек, скотч и изолента, тюбик клея «Момент» и запасные кассеты для бритвы... Много чего, и всё нужное, без чего в жизни нет счастья... На тумбе стоит проигрыватель DVD, на нём небольшой телевизор, рядом стопка дисков с любимыми фильмами, «Рэмбо», «Хищник», фильмы Джеки Чана и Брюса Ли, «Охотники за привидениями»... Современные фильмы, снятые последние 3—5 лет я не смотрю, пока не видел ничего достойного... И это всё, что здесь есть, не считая дивана, на котором я живу, и тумбочки, на которой лежат пепельница, пачка сигарет, кружка вечернего кофе и два пульта с телефоном. Телефон – дань привычки и необходимости, я им не пользуюсь, как телефоном, звонить некому, и мне никто не звонит, так что телефон используется только в качестве будильника. Перед диваном небольшой журнальный столик, на котором стоит ноутбук «ASUS», под столиком колодка удлинителя с торчащим блоком питания от ноутбука и зарядкой телефона. Для полноты картины надо упомянуть несколько репродукций на стенах, в рамках под стеклом, изображающие виды Японии с Фудзиямой в разных ракурсах. Окно за сдвинутыми занавесками светится ранним солнцем, шторы я не люблю, они навевают мысли о толстом слое пыли и кладбищенской тишине, и я их сдвинул в стороны, завязал верёвочками. Раньше за шторами висели такие прозрачные белые сетки для собирания пыли, кажется «тюль» называются, я их снял, разрезал вдоль весё-

лую, небесно-голубую простыню с цветными пятнами, повесил, чтобы солнце глаза не слепило, прятаться мне не от кого, квартира на пятом этаже, и чтобы увидеть противоположный дом, надо подходить к окну. Хозяйка на мои занавески ничего не сказала. Мне вообще повезло с квартирой, недалеко от центра, пять тысяч плюс коммунальные платежи около тысячи, это очень по-Божески. И если даже хозяйке надоест жить у внуков, у неё есть большая комната, сейчас запертая, а тётка она спокойная, не конфликтная, адекватно и дружелюбно глядящая на мир и людей. И коммуналки платить уже надо будет в два раза меньше. Жизнь хороша!

Вам известен, наверное, такой приём в книжках и фильмах, я, подумав, называю его «самопожертвование по акции»? Это означает, что по сюжету главный злодей (обычно, скотина порядочная) захватывает хорошего персонажа (ребёнка, девушку-красавицу, или убелённого сединой старца-мудреца) и кричит, такой: – " Я, – кричит, – сейчас совершу смертоубийство во имя своей злобной идеи, ну, и по причине вообще злобной натуры!» А тут главный Герой, вообще хороший такой молодой человек, выступает вперёд и говорит спокойно – " Ты, чудо-юдо поганое, возьми меня, видишь, я такой крутой, и если ты меня возьмёшь, все будут в восхищении от твоей злобной мощи и правоты. А эту безвинную душу ты отпусти уже, она тебе всё-равно не противник!»

Негодяй, конечно, задумывается, потому что слышит разумную вещь, но он недоумевает, какой резон Герою в этой ерунде и нелепости, потому-что от жертвы безвинной всё-равно пользы, как от козла молока. Но, подумав, юдолище решает, что дело тут, видимо, в природной глупости и недалёкости Героя (качок! что с него возьмёшь!), и соглашается. Я вот тоже всегда в таких случаях чесал затылок, потому что Герою, несмотря на общую ничего себе физическую подготовку, всё-таки нехорошо как-то быть дураком, как с него пример-то брать? Но потом я всё-таки этот приём раскусил, и расчёт Героя понял. Он, ведь, совсем не простачок! И мысли его легко просчитываются. Во-первых, спасённый им таким образом хороший персонаж потом в критическом случае обязательно окажется в нужное время в нужном месте и бросит Герою саблю острую, или, там, запасную обойму к нагану (есть у наганов обоймы? не важно, всё-равно, чего-нибудь бросит, найдёт, чего бросить-то!) Во-вторых, такой геройский поступок заставит призадуматься спомощников вражьих, а стоит-ли им копыя ломать за такого негодяя и его негодяйское дело? и в нужный момент эти приспешники плюнут и скажут супостату: – «Да, ну тебя в пень, совсем, голову из-за тебя теряй, низкоморального типа!», и уйдут спокойно восвояси, по домам.

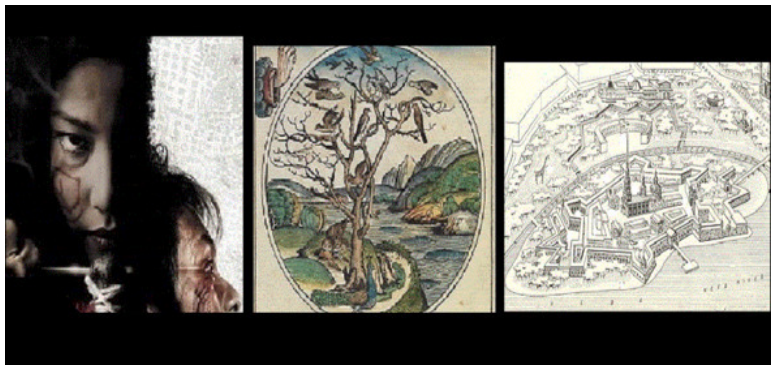
А в-третьих, герой, он ведь соображает, что раз он Герой, никто им разбрасываться не будет, и значит, ему всё-равно, в результате всего, выходить сухим из воды. Ну, сломают ему

пару рёбер, мордасы, там, избыют, так на нём, на Герое, всё это заживает, как на собаке, и даже аппетита не портит, он через десять минут после мордобоя зубодробительного уже на девушку-красавицу залезет, и в очередной раз геройский подвиг совершит. (не зря-же спасал!)

Так что, в случае чего, я конечно, никому свою жизнь, в обмен на чью-либо, предлагать не буду, самому пригодится. И ещё потому, что жизнь, это вам не книжка с фильмом лихим, и тут убивают всех подряд, а герой ты там, или просто прохожий, никого не интересует. И в нужном месте в нужное время хрен кого увидишь, потому что у каждого свои важные, насущные дела, и до геройских подвигов дурацких дела никому нет.

Это я к чему всё развёл? Да к тому, что я человек спокойный, не задиристый, и конфликтовать не люблю. Я люблю жить спокойно, без заморочек, в свободное время включить интересный фильм 20-тилетней давности и ковыряться потихоньку в интернете, всякие глупости узнавать, для жизни совершенно не нужные, и вообще не знаю, кому нужные, тем более, что завтра пишут совершенно противоположное сегодняшнему... Я как-то начал собирать в отдельную папочку эти альтернативные заметки на разные скандальные темы, из истории, науки, литературы... Но потом бросил, потому что понял, что всё это на самом деле даже никому не нужно, и рассчитано драными блогерами за ради вот сейчас схва-

тить пару лайков для рейтингов, и забыть... А рейтинги для них – это деньги рекламодателей. Странно жизнь устроена, всё завязано, всё взаимодействует, одно из другого вытекает, и переходит друг в друга, а в основе всего какая-то ерунда, которая никому не нужна, типа айфона-хрен-знает-какого, который завтра выйдет из моды и сменится другим, чем-то ваще крутым... Ну и так далее. Тоска. Поэтому я даже и не думаю о каких-то там сенсациях, всё это просто чушь и бред, и стоит только, чтобы удивлённо покачать головой и забыть. А звать меня Егор, только хозяйка при встрече во время ежемесячного визита за квартплатой, почему-то горестно кивает и называет Егорюшком (Егорюшка!), хорошо хоть по голове не гладит...

глава 2

Лк 15, 11—32;

– У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих...

Я сидел на кухне в одних трусах и завтракал. Завтрак состоял из свежего кофе в большой, чёрного стекла кружке, бутербродов с маслом и сыром и пакета с ряженкой. Было приятно сидеть у открытого окна и дышать воздухом прохладного солнечного утра. Передо мной стояла задача: – как провести выходной, чтобы потом не жалко было хорошего дня. С моими доходами выбор был невелик – прогулка по го-

роду. Кофе, пирожок, мороженое – всё, что я мог себе позволить. Может быть – посещение кино, если попадётся что-то совсем уже неординарное. Всё.

Альтернативой было только лежание на диване, с просмотром старых фильмов, и интернет. Не густо, и не вдохновляюще. Это не стоило выходного. Тем более, погода была для Питера редкостной.

Но... Состояние было, как у Кьеркегора: – «Ничего не хочется... Ехать не хочется – слишком сильное движение: пешком идти не хочется – устанешь; лечь? – придется валяться попусту или снова вставать, а ни того, ни другого не хочется... Словом, ничего не хочется.» Действительно, лень – отличная штука, одно из самых лучших изобретений человека, особенно когда есть возможность и нет обязанностей. Но... скучно.

Кофе был выпит, сыр съеден, теперь перекур и – в путь. С сигаретой я завалился на свой диван и стал думать, где в городе я давно не был, и где хотелось-бы побывать... На пляже Петропавловки? Купальный сезон ещё не начался, пляж не убран, народу – такие, как я, неприкаянные души, пенсионеры, молодые мамы с колясками... Тоже тоска. Но можно зайти в крепость, подняться на стену над Невой, полюбоваться на Комендантское кладбище... Сик транзит gloria mundi... В смысле, на что уходит время человеческой жизни, если подумать... Если подумать – на бездумную трату этого времени. Как будто живём вечность... Сигарета до-

горела, я уронил её в пепельницу, смотрел в потолок... Интересно, слоны... они тоже транжирят время отведённой им жизни просто ни на что?... Стоят на берегу заросшего тиной озера и тупо смотрят перед собой, ни о чём не думая... У них слипаются глаза, голова склоняется к земле... Им хорошо...

Людям наскучила Земля. Им приелась спокойная жизнь (когда она была спокойной?). Мир изучен до последнего камушка... Разве? А кажется, что каждый день мы упираемся в неизвестное, что не может объяснить наша наука и жизненный опыт. И мы придумываем новые миры, где всё подчинено нашему воображению, где всё объяснимо... Мы сочиняем загадки и придумываем отгадки к ним. Мы придумали квантовый мир и подгоняем новые загадки к этим придуманным условиям. Мы не видим реального мира, потому что он не подчиняется нашим придуманным правилам. Мы придумали дальний космос, миллиарды световых лет бесконечности, потому что в бесконечности мы можем объяснить всё, хотя не можем понять, что происходит на расстоянии руки. Мы видим тайны вокруг нас, но помещаем их в параллельные миры, откуда они загадочно смотрят на нас, не зная, что уже расписаны нашими «сакральными» знаниями до последней запятой. Мы никогда не сумеем проникнуть в эти параллельные миры, чтобы проверить истинность своих знаний, мы никогда не достигнем пределов Ланиакеи, чтобы бросить взгляд на нашу Вселенную снаружи, и всегда будем в уверенности наших знаний, которые заключены в дубовые рамки

и развешаны по стенам наших научных библиотек.

На трамвае он доехал до метро «Горьковская», побрёл в сторону Заячьего острова, как всегда постоял минуту перед памятником матросам миноносца «Стережущий», бездумно глядя на перекорёженное железо стилизованного креста. Давно потерял смысл подвига тех героев, ушла в историю империя, за чью славу они отдавали жизни, и теперь памятник воспринимался, как символ борьбы за жизнь, свою и товарищей. Наверное, она того стоит, жизнь? Он прошёл мимо «Грота», по Александровскому парку до Иоанновского моста. Сегодня, в будний день народу почти не было, только пара автобусов с иностранными туристами стояли у заправки напротив моста.

Он прошёл по толстому дощатому настилу, полюбовался закрытыми воротами с имперскими орлами и пошёл налево, к берегу Невы. Здесь никого не было, только впереди маячила фигурка девушки с коляской. Ему и не хотелось никого встречать, не хотелось включать мозги, пусть отдыхают, наслаждаются ничего-не-деланием, хорошей погодой, отсутствием впечатлений и блаженной безмятежностью. Девушка с коляской была, видимо такого-же мнения. Высокие, чёрные ботинки, синие джинсы, на худых стройных ногах, синяя-же курточка с нагромождением шарфа на плечах. Обычная винишка с иссиня-чёрной, короткой причёской и Майринком в рюкзачке. А у них дети, вообще-то, рождаются?

Он захотел опять поговорить с Гулливером, его интересовало, могут-ли гуингмы размышлять о космосе, не имея никаких точных данных о строении Вселенной и не нуждаясь ни в каких знаниях по астрофизике, как не имеющих практических применений.

Девчонка впереди нагнула голову, присела, занялась ботинками, шнурок развязался? Она находилась в месте, где спуск поворачивал направо, за угол Иоанновского равелина, а внизу, где отблёскивала вода Невы, располагался пляж моржей, и к нему спускалась асфальтированная дорожка. Похоже, что девчонка рюкзачком задела коляску, сама того не заметив, и та медленно покатила к берегу, всё убыстряя бег.

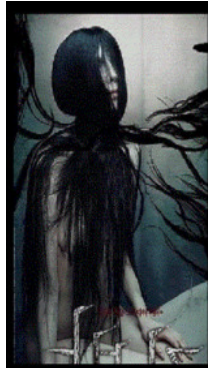
Егору это не понравилось, секунду он выжидал, проводя мысленно траекторию коляски прямо в холодную воду Невы и ожидая, что девчонка вот оторвётся от своих дурацких ботинок и оглянется на своё транспортное средство... Потом нервы его кончились, и он побежал, поняв, что кричать бесполезно, потому что девчонка какое-то время будет рассматривать этого придурка и соображать, кому и за ради чего он вопит и размахивает руками. Пробегая мимо колясковладелицы, он на бегу обозвал её курицей, но скорости не убавил. Он просто не знал, что там, в воде, пологое дно, или внезапный склон метров до полутора, вряд-ли на Неве у берега глубина больше, но коляске и полтора метра достаточно. Ботинки он всё-таки замочил, и низ джинсов тоже. Выво-

лок коляску из воды, отдал набежавшей «курице» и присел на камень справа от дорожки, снял ботинки и носки, носки выжал и стал думать, как высушить их. Прогулка кончилась, в мокрой обуви не нагуляешься. Молодая (слишком молодая!) мамаша склонилась над спасённым сокровищем, как кошка над десятком выводка, осмотрела и обнюхала, она задышалась и пальцы её дрожали. Убедившись в целостности и сохранности имущества, она повернулась к Егору, и он удивился белизне её лица, как у Арлекино в фильме про Буратино. И формой похоже. От страха побелело?

– Чего ты трясёшься, успокойся уже! – проговорил Егор, заглядывая в ботинок и пытаясь вытрясти воду. – Ничего страшного не случилось-бы, там мелко...

Конечно, он соображал, что коляска могла просто опрокинуть содержимое в воду... Но скорее всего всё обошлось-бы истерикой девчонки... Бог знает. Ему было неудобно. Хотелось уйти, и он забыл о желании поговорить с Гулливером.

– Меня зовут Лариса... А ты молодец...

глава 3

– Лара, значит?

– Ла-ра... Как-то патриархально звучит. Лера намного лучше, но Лера – это ведь Валерия? Жаль...

– А это – твое? – кивнул Егор на коляску. – Плохо за имуществом смотришь.

– Это? Нет, это не моё... Так...

– Как это – «так»? Киднэпинг?

– Ерунда. Просто подработка для полу-существования. Приходящая няня. Выгул и кормление младенцев... Смотрел – «Младенец на прогулке»? Ну и дополнительная нагрузка – смена подгузников и другие развлечения... Это уже бесплатно.

– Значит, в нижних рядах сидишь?

– Как это?

– «Вокруг светоносного круга, превышающего окружность солнца, расположены, образуя свыше тысячи рядов, ступени амфитеатра, подобного раскрытой розе, и на них восседает в белых одеждах всё, к высотам обретшее возврат, то есть все те души, которые достигли райского блаженства». – Это «Божественная комедия», Данте Алигьери...

– Да, ниже некуда... Я про Данте... Отстой, тоска. Все сидят на полочках, и так бесконечность. Травят анекдоты и грызут семечки...

– Вроде того. Все знают, что Рай – унылое место, вынести эту вечную муку могут только праведники с каменным терпением. И с нижних рядов те, кто подальше от Бога, потихоньку сбегают в Ад, почему и воронка, амфитеатр. В нижних рядах мало населения не потому, что все стремятся в верх, а потому, что сбегают туда, где жизнь. В преисподнюю.

– Здесь и сбегать не надо. Если только в Рай, на Молукские острова.

– «Рай и Ад, это две половинки души...»

– Хайам тоже проповедовал гедонизм. Воспевал вино и женщин.

– Женщинами интересуешься?

– Я больная? Кому эти стервы нужны? Собой интересуюсь... Но не в этом смысле, не думай.

– Ничего я не думаю, – уныло проговорил Егор. – Трындец выходному. Поехал я домой...

– Далеко ехать?

– Вторая линия.

– Это не далеко. Я на Девятой живу, рядом с Большим... А детёныш на Большой Пушкинской, надо его домой... Телефон дашь?

– Я его не помню... Сейчас посмотрю... – он достал телефон, начал ковыряться в настройках, – Вот, нашёл, записывай...

– Есть. А зовут тебя как?

– Егор. Я дома постоянно, диван душу... Книжки-кинишки.

– Это хорошо. Достали такие, знаешь, фитнес-геи... Ни ума, ни пищи для ума. Ладно, созвонимся... Спасибо тебе...

Она развернула коляску, пошла к мосту. Он терпеливо смотрел вслед. Так и уйдёт? Пройдя метров двадцать, она оглянулась:

– Чего сидишь? Тебе-же на Кронверкский, к трамваю? Пойдём...

– «... Я умолял человека с бородой посадить меня на сияющем причале у огромных резных ворот Акариэля, но он, мягко улыбнувшись, сказал мне :

– Не проси об этом. Многие вошли в Таларион, Город тысячи чудес, но никому не удалось вернуться оттуда. Там бродят демоны и безумцы, которые давно уже перестали быть людьми, а улицы его белы от непогребённых костей...» *-

– Но разве я не достоин пройти по этим улицам, смеясь над костями безумцев, кто не имел сил посмотреть в холодные глаза правды? Они умерли в безнадежности отчаяния, которое несёт в себе правда, но я не верю в безвыходность, годится любое логичное решение, чтобы разорвать чёрный круг правды...

– Ты хочешь бежать в сказку? Она может оказаться горькой истиной, замаскированной и раскрашенной волнующими цветами...

– Но мы и так живём в обмане, нивелирующем действительность в серую безысходность, и вряд-ли я что-то потеряю, пытаюсь вырваться за пределы тумана.

– Посмотри на ту стену мутной пелены. Наш корабль на всех парусах стремится к ней. Но что она скрывает, и чего мы можем лишиться, ворвавшись за её покрывало? Может быть жизни, а может быть утеряны будут только иллюзии... Мы этого не знаем, как не знаем и цены превосходства над умершими. Они свою цену заплатили, и мы теперь ходим по их костям, стирая память о них в белую пыль...

– Что с тобой? У тебя глаз не видно... – Лара трясла его за рукав, тревожно вглядываясь в лицо, и одной рукой покачивая коляску. – На тебя страшно смотреть... Ты напугал меня...

– Всё в порядке, нормально. Просто... задумался... Я, знаешь, думаю иногда...

– А ты не эпилептик? Конечно, это нетактично с моей стороны...

– Нт, я не сумасшедший, не эпилептик, не наркоман, не маньяк, не мусульманский фанатик... И даже не скрытый алкоголик... Впрочем, они все так говорят!

– Да, конечно... А кто ты, Егор? По жизни.

Он пожал плечами, ноги в мокрых ботинках мёрзли.

– Я унылый романтик, рискующий подхватить простуду.

– Придёшь домой, сунь ноги в тазик с горячей водой. Вот

хоть что-то в жизни случилось... Надо будет девчонкам рассказать...

Подошёл трамвай. И уже качаясь в нём, Егор думал, что не позвонит ему эта смешная девчонка, проворонившая коляску с питомцем... А он её телефон не записал... Что-ж... Не записал, так не записал...

Эти состояния были присущи ему с детства, он не помнил, когда и как это пришло к нему в первый раз, он тогда здорово испугался, но не сказал матери ни слова; он решил, что будет наказан за это, как было, когда он делал что-то неправильно, хотя и не понимал этого. Так было, когда он стал при матери играть своим маленьким членом, и тот вдруг зашевелился, стал упругим, увеличился, будто ожил, это было интересно и приятно, но мать увидела его, сидящего на скамейке в саду, за этим занятием. Она молча била его по рукам, пока они не онемели, а потом зло, шипящим голосом сказала: – Никогда так не делай! Ты понял – НИКОГДА!

Он испугался, и ему было больно. Он не понял, почему это плохо, но понял, что его непонимание ни к чему хорошему не приведёт...

Что-то вторгалось в его голову, чему не было определения, и что не находило аналогий ни в его знаниях о мире, ни в его жизненном опыте. Он молчал, переживая и надеясь, что объяснение придёт со временем. Он знал по прочитанному, что люди во сне, или в бессознательном состоя-

нии часто перемещаются в недоступные наяву места, общаются с людьми умершими, отсутствующими... Но это было не то. Его разум строил конструкции, миры, ему неизвестные в жизни, вообще не существующие в реальном мире, и даже в мирах, недоступных нашему знанию, но, возможно, существующих ГДЕ-ТО, МОГУЩИХ существовать. Его миры были придуманными. Не только им самим, это были миры и люди, существующие в книгах и фильмах. Потом нарисованные миры. Потом он понял, что некоторые миры рождены его собственным воображением. Это было неприятно и страшно, уходить в воображаемые миры, которых не было и не могло быть в действительности... Потом он увидел фильм «Матрица» и долго думал, не могут-ли его миры существовать в реальности, придуманной кем-то другим, может быть даже искусственным интеллектом, о котором много воображают всякого страшного в последнее время. Но нет, он уходил в своё собственное воображение, потому что мог управлять своими видениями, подчинять их своему желанию и настроению... Вот только разве ОН САМ не мог быть чьей-то выдумкой? И почему иногда эти состояния возникали неожиданно, в самый неподходящий момент, когда он был чем-то занят, с кем-то разговаривал, что-то делал... Как сейчас, когда он познакомился с этой девчонкой, Ларой? Наказание это, или предостережение?

– «... Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще

далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться...»

Егор много читал, пытаясь найти что-то соответствующее его видениям в книгах классиков, но классики всё попадались какие-то ненормальные, зануды и параноики, думающие и видящие через свою порочную психику. Что-то нормальное было только в текстах фантастов, которые, похоже, могли испытывать что-то похожее на то, что происходило с ним. И в Библии иногда мелькали картины и обстоятельства, кажущиеся ему знакомыми, но размытыми, трудно определяемыми, однако прямо имеющими отношение к нему. Только как могли события многотысячелетней давности вплестаться в его жизнь?...

Дома он бросил уже плохо пахнувшие носки в пластмассовый тазик под ванной, мокрые ботинки поставил на рёбра батареи в кухне, отопление должны были выключить только через неделю, но грело оно уже слабо по причине тёплой погоды. Ничего, высохнут... Потом он вспомнил совет Лары,

вытряхнул носки из тазика прямо в ванну, и налил в тазик горячей воды. Тазик он уволок в комнату, поставил рядом с диваном, включил диск с «Терминатором», снял джинсы и тоже повесил их на батарею, сдвинув занавеску и на миг ослепнув от солнца, ударившего в комнату. Занавеска была поспешно задвинута, Егор уселся на диван, опустил белые, сморщившиеся ступни в воду. Стало хорошо, ноги согревались, и он стал думать о новой знакомой... Обычная девчонка. Ничего особенного. Будет-ли продолжение у этой странной встречи? Разве можно сказать? Она лет на пять младше его... Интересно, как она выглядит без одежды? Наверное, тоже стандарт... Сейчас во всём царит стандарт... В мыслях, в одежде, в телах, в желаниях...

*– Г. Лавкрафт «Белый корабль»

Пытки, применяемые к обвиняемым в ереси. Гравюра 1508 года.

Томас Торквемада

глава 4

Прежде всего эта глава, ввиду её неопределённого времени и места, требует небольшого объяснения. Когда я её вспомнил и зафиксировал, что меня осчастливило на какое-то время, по повторному прочтению было обнаружено, что некоторые её моменты явно не соответствуют содержанию, проще говоря, они взяты неизвестно откуда, и почему здесь оказались – полная загадка. Наши учёные такие загадки щёлкают, как арахис, слава квантовой математике и десяти измерениям! Но я в эти неведомые измерения не верю, и долго думал, как объяснить эту путаницу, например, намёки Великого Инквизитора на какие-то особенные способности девчонки Лары... Может быть он прошвырнулся по свёрнутым пространствам и обнаружил там то, что мы никогда не узнаем? Но тогда необходимо вырезать несоответствия и приклеить их в более подходящие условия? А если их не будет? И я решил, что это просто фантазии Егора, когда он что-то плохо расслышал или недопонял, и его воображение дополнило реальное желаемым... Так что её нумерацию и расположение можно считать условным.

– Терминатор в облике Арнольда Шварценеггера смотрел огненно красным глазом, и по его металлической плоти было видно, что настроен он решительно и непоколебимо. На уничтожение.

– Ты знаешь, кто я?

– Inquisitor Generalis, Escudo inguision... Томас де Торквемадо?

– Ты знаешь моё имя. Надеюсь, не по роману Достоевского?... Да, ты его не читал, это делает тебе честь. И ты не боишься меня. – Обрюзгшее лицо, свисающие щёки и под густыми, как у дворняги, бровями маленькие невыразительные глазки...

– Да, не боюсь. И ты не похож на Великого инквизитора.

– Что значит – «не похож»? Конечно, я не похож на портреты де Сиснероса, де Тавера, де Гувара... Проклятые подонки, хранящие в сундуках портреты Хименесов... Впрочем, я тогда уже умер, и расстановка фигур на доске могла измениться, но моё впечатление от этого ничуть не трансформировалось! Просто вести о проделках этих вырожденков достали меня и в гробу!

– Я не имею ко всему этому никакого отношения.

– Конечно, не имеешь! Но ты знаешь, что люди ещё вкладывали в звание Великий инквизитор? Великий регулятор! Бог дал человеку право выбора. Я делал этот выбор безусловным и обязательным. Конечно, посредством страха, но разве и сейчас не страх определяет выбор? И так было всегда, только Христос своим жертвованием внушил людям миф о гуманизме, вот ещё одна пагубная идея! А сколько таких идей внушили людям вершители духовности! Даже меня привлекли, и Его тоже, в одном пакете... И всё было извращено.

щено. Фёдор Михайлович насочинял по разумению своему, и свои мысли впихал в уста мои, а мне это надо? Почему эти люди считают, что имеют право говорить за других? Причём своим языком? Если-бы Христос следил за тем, что заставляют Его говорить, Он с ума должен был сойти!

– Подожди, Томас, но я совсем не хочу знать, что ты должен сказать мне. Я не имею к этой теме никакого отношения... я уже говорил это, помнишь, перед тем, как ты начал жаловаться на судьбу. Конечно, о тебе много всякого говорят и пишут, но никто из серьёзных людей не считает тебя ни за великого философа, ни за властителя дум. Ты ведь вроде министра внутренних дел был там, в Кастилии и Арагоне, в Испании... Кажется, даже внешняя политика тебя не интересовала?

– Значит, ты понял назначение моё? Но я был и Великим Политиком, великим именно потому, что об этой стороне моей деятельности люди почти ничего не знают. Это сегодняшние клоуны набирают популярности в ток-шоу, но я пользовался кинжалом и ядом, фигурально говоря, конечно. Но на языки это оказывало надлежащее и нужное воздействие. В вашем времени это сначала называлось цензурой, потом инквизиторы стали модераторами, вместо костра в ход идут блокировки... Убожество, конечно, дурной тон, дурные манеры, полное упадничество. Как вы собираетесь жить дальше, не понимаю.

– Так, перестань ты читать мне мораль. Мне наплевать,

как собирается жить человечество...

– Да, тебя не интересует даже собственная судьба. А эта девчонка? Ведь никогда не можешь знать, чем обернётся камешек, попавший в ботинок, просто натёртостью ноги, дурным сном, или неверным шагом на краю пропасти. И так считает каждый. Каждый из вас молится на ближайший вечер, не думая о наступлении утра и восходе солнца. Говорят о падении духовности, это мода у вас такая в последнее время. И каждый рассуждающий ставит себя вне субъекта темы, в позу стороннего наблюдателя, имеющего право давать оценки и навязывать мнение. Но только его советы к нему самому как будто не имеют никакого отношения. Таким образом получается, что каждый буквально живёт с Богом, по заповедям Его, и идёт путями Его, а общая дорога петляет по тупикам и пустыням... Как так может быть?

– Ты не знаешь, я тоже не знаю. Но я могу сказать тебе, что заповедь Бога – «Не создавай кумира ни в камне, ни в золоте, ни в слове... – Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвёртого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.», – она касается и Его самого, ибо вот то самое добавление: – «... не служи им; ибо Я Господь, Бог твой,...» оно сводит на нет эту заповедь, как

апория, и оставляет место для толкований. Знаешь, если людям необходимо оправдать собственное свинство, они показывают на икону, поэтому я с детства ненавидел навязанных кумиров, дутых авторитетов... В армии – смешная штука! – единоначалие, ты должен молиться и доверять жизнь свою какому-то надутому идиоту, не умеющему двух слов сказать связно...

– И ты отвергаешь Бога?

– Де Торквемада, ты решил исполнить роль того несчастного неудачника Сатаны? Но твои искушения – это бисер, перед свиньями рассыпаемый... Кто я такой? Один из ничтожнейших тварей, и таким и хочу остаться. Я не отвергаю, я прохожу мимо...

– Возможно, твоя позиция мотивирована, во всяком случае, логичнее позиции Фёдора Михайловича, который из Иисуса делает жертву инквизиции и обвиняет его в грехах человеческих, подменяя именем моим Каиафу, первосвященника, гонителя идейных противников, и заставляет выступать не в своей роли очистителя паствы от еретиков, а обвинять ОСНОВУ, Его, который один раз искупил эти грехи, но теперь страдает, как зачинщик и провокатор! Вот нелепость... И я в роли проводника Сатаны наказуемого. Всё перевёрнуто с ног на голову и искажено... Что там, на улице? Ночь, и пришло время последнего трамвая... Мне пора. А девчонка твоя правильная, она может внести в твой кодекс сомнения, это повод тебе задуматься. Сможешь без

Бога? И стоит оно того?

И Томас де Торквемада, первый Великий инквизитор, сделав полупоклон, растворился в мгле, затянувшей мир...

Телефон зазвонил после пяти, когда солнце окончательно разозлилось на город. Звук был забытый, и не сразу Егор сообразил, что от него требуется. Некоторое время он тупо смотрел на экран, потом догадался нажать кнопку. Это был голос Ларисы:

– Алё! Есть кто? Я туда попала, вообще-то? Кому молчим?

– Да, слушаю, – сказал Егор и закашлялся, горло почему-то пересохло.

– Егор! Ты? Запиши мой номер, а то умчался, ни до свиданья, ничего... Я и не думала, что трубу возьмёшь...

– Ларик! А... с чего ты взяла, что я не возьму трубку?

– Мало-ли, всякое бывает... Помнишь, у «Машины» – «Имитация»? – «Он записал телефон, по которому не позвонит никогда...»? Имитация... всё имитация, чувств, мыслей, жизни... Ты занят? Ботинки просушил?

– Не знаю... Тебе нужны мои ботинки?

– Ботинки нужны тебе, ты-же хотел в выходной по городу пройтись?...

– У меня есть кроссовки... На улице сухо...

– Вот и хорошо! Где встретимся?

– Я не знаю... Ты дома?

– Вот тоска! И дома тоска, сестра сыр точит и пилит, пилит... Давай у метро... Через пол-часика?

– Денег нет на прогулки... – сказал Егор, и это прозвучало грубо.

– Я у тебя денег просила? На мороженку есть?

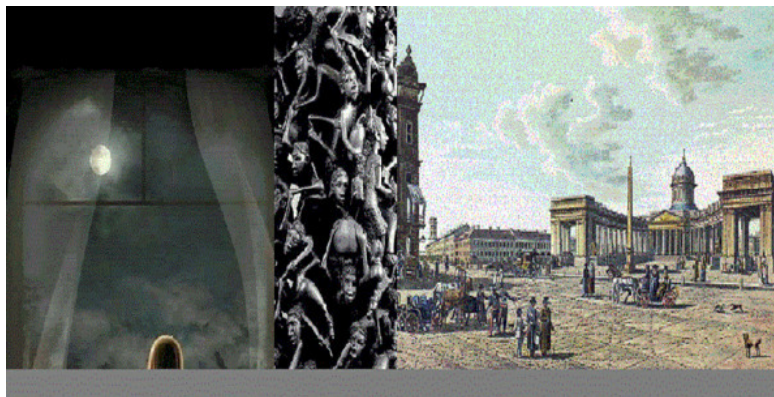
– Есть, успокойся...

– А как ты меня назвал? Ларик? Это от Ларисы?

– Ну, так на работе девчонки называли одну Ларису... – он не знал, как она отнесётся к такому именованию, и сердце схватил холодок... – Проблемы...?

– Какие? А прикольно, слушай, мне нравится... Значит, у метро? На Невском, в книжных рядах фолк-музыка северо-американских индейцев, их фолк-группа приехала. Оригинально!

Егор уже шарил глазами, соображая, где хранятся кроссовки...

глава 5

Фолк-группа из Каспера, Вайоминг жмурилась от солнца и извлекала из своего странного арсенала непривычные звуки. Должно быть под точно такие звуки триста лет назад их предки снимали скальпы с неудачников-поселенцев, а потом продавали их поселенцам-же по сто долларов за штуку. Впрочем, эти этнические сиу и делавары были похожи и на уроженцев Астаны.

– Никакого удовольствия, – пожаловалась Ларик. – Просто звуки, не находящие отклика. Пойдём отсюда... Пойдём к Казанскому, там в колоннаде живут призраки прошлого, понимаешь, не привидения людей, а духи времени.

Джинсы она сменила на штаны цвета хаки, с многочисленными висящими карманами, и чёрные ботинки поменялись на жёлтые, на толстенной подошве. На крыле вздёрнутого носика алела маленькая бусинка.

– Ты веришь в духов? То-есть вообще, в столоверчение, общение с душами, регрессии.

– Нет. Я с таким не встречался.

– Во что-же ты веришь?

– Я поклонник философии скептицизма Вернадского.

– Что за зверь? Не помню, чтобы я читала о таком...

– Это не школа и не теория. Это приём, метод. Вернадский писал, что философские аспекты проблем и теорий не яв-

ляются обязательными и на них можно не обращать внимания, используя только то из них, что непосредственно нужно для работы в данный момент. И то, что в нашем понимании соответствует истине. Например, ответу на твой вопрос с точки зрения философского скептицизма – существование души не вызывает сомнений. Похоже, это явление связано с энергетической структурой мироздания. Дальше начинаются загадки. Что такое эта энергетическая структура? Говоря о тёмной энергии, учёные дурака валяют, или уже подошли к вопросу о единой структуре? Имеет-ли ноосфера Вернадского отношение к этому? Мы говорили с ним на эту тему, он тоже склоняется к этому, но нет ни понятных фактов, ни инструментов для подтверждения этой теории. А эзотерика на 99% враньё, способ разводить легковых лохов. Это моё мнение, можешь думать по своему, мне это всё-равно.

– А множество свидетельств? Причём вполне уважаемых людей, знающих, что говорят. Тот-же Конан-Дойл...

– Или Елена Петровна Блаватская? Есть такая штука – Субъективность, называется. Если отвлечься от явных серебролюбивых жуликов, как Блаватская и её шайка, люди видят то, что хотят, то, на что настроены, или их настроили. Это отработано ещё средневековыми цыганами, а ещё раньше шаманами Мардука. Давай оставим тему?

– Хорошо. Мне надо подумать. Что у Вернадского почитать?

– «Ноосферу» почитай, «О научном мировоззрении», только учти, что многое он говорит эзоповым языком, времена были такие... Да и в космос люди ещё не вышли, и он не фантазирует о том, чего не знает, только намечает перспективы. Тут ещё надо учесть, что Вернадский – учёный. Прагматик. И философия для него только практический инструмент.

– А Бог, Библия?

– Не знаю... Как любой человек, он, конечно, думал об этом. Но он не мог писать об этом... Это было-бы самоубийство, как учёного... Я не спрашивал его об этом, это казалось мне не тактичным. Быть героем для такого учёного – поступок не... практичный. Думаю, что он вплотную подошёл к нему, ведь теория ноосферы просто упирается в Бога...

По Казанскому мосту они перешли Невский проспект, прошли метров сто в сторону Адмиралтейства и остановились напротив Дома Книги, оглядывая частокол колоннада собора, возведённого Воронихиным. Слева за клумбой торчал памятник Кутузову, Барклай де Толли отсюда видно не было.

– Как ты смотришь на мистику, Егор? – тихо спросила Ларик, глядя на крест, отсюда видимый как шпиль, ребром.

– Никак, – пожал плечами Егор. – Мистика, это то, что отринуто канонами религии, официальной веры. Но отринутое, не означает – несуществующее. Верить, или нет – дело

личное. В Библии любое столкновение людей с сверхъестественным можно рассматривать, как мистическое явление.

– А если оно не имеет отношения к вере?

– Я не знаю. Наверное, зависит от причин, его вызвавших.

– Я слышу звуки...

– Интересное явление. Может быть потому, что обладаешь слухом? Уши на месте...

– Смеёшься? Я не про слух говорю. Я слышу не ушами.

Егор подумал о своих разговорах с фантомами (а как их ещё назвать?), хмыкнул, пожал плечами.

– Не хмыкай. Я не знаю, что это такое, чем оно вызвано, вообще не понимаю природу этого явления. Это какой-то звуковой фон, не слышимый другими, да и мне он доступен не всегда.

– Тебя это беспокоит? Причиняет неудобства?

– В общем-то нет. Возможно, другие тоже это слышат, только не обращают внимания. Понимаешь, для этого нужно настроение, условия, обстановка...

– Почему тебя это волнует? Жить это тебе, как я понимаю, не мешает? Может быть это особенность строения внутреннего уха?

– Сам ты внутреннее ухо! Я слышу голоса, звуки природы, животных... Это звуки не реального мира.

Они шли по колоннаде, будто по аллее заколдованного каменного леса, под каменным, серым небом.

– Может быть ты слышишь радифон? Знаешь, есть такая

гипотеза, и Беляев об этом писал во «Властелине мира», человеческий мозг сравнивают с радиоприёмником, пока это всего лишь гипотеза...

– Я не принимаю FM-радио, не слушаю рэп на халяву. Это просто... звуки жизни. Я проверяла, это естественные звуки, которые слышало место, где я нахожусь, но другие, ... не то, что есть. А звуки прошлого. Будто они прорываются из других времён...

– Звуковая машина времени...

– Разве с тобой такого не бывает? Ты разговариваешь с другими людьми...

– Нет! – сухо прервал её Егор. – Со мной такого не бывает... Это совсем другое, ничего похожего. Я беседую с живыми людьми, которых нет, и никогда не было. И они говорят то, что... я хочу услышать, понимаешь? То, что проецирует моё сознание. Это фантасмагория... реальная. Однажды Сафо... ей не понравилось, что я говорю... она расцарапала мне щёку, такая вздорная бабёнка! Потом ходил с пластырем... А ты слышишь то, чего нет... уже нет. Какой-то акустический хроноклазм, как выражаются в фантастике... Он не привязан к месту?

– Нет... Я не знаю... Может быть, эта область велика? Регион? В Карелии такое было...

– Сейчас всё непонятное списывают в область Божьей Воли, и оправдываются тем, что нашему пониманию это знание недоступно.

– Почему сейчас принято говорить о Боге, как о рядовом явлении нашей жизни, без трепета, уважения, без какой-бы то ни было ЛЮБВИ? Он уже вошёл в нашу жизнь, как рядовое событие, как электроток, запуск ракет в космос, компьютеры? И на Него просто не обращают внимания? Только раз в месяц вспоминают, когда надо платить коммуналку, чтобы не росла задолженность... Или Он воспринимается уже, как рядовое явление обыденности, как плохая погода, скачки атмосферного давления, магнитные бури, старость или тараканы – явления, мешающие жить, вызывающие досаду, но человеку неподвластные, и воспринимаемые, как просто житейские неудобства – всё-равно, от нас не зависит, не надо заморачиваться, а так, иногда поругивать, иногда оглянуться, почесаться, и забыть до следующих граблей... Да ещё многие, знаешь, ухмыляются извинительно, будто говорят о щенке, нагадившем в тапок – «Ну что с ним поделаешь, несмышлёныш!» А вот они, понимаешь, такие взрослые, здравомыслящие, ни в какие байки не верят... Всего лишь допускают такую возможность...

– А я думаю, люди просто боятся... Это страх. Ведь если признать Его во всей полноте, представляешь? Это будет другой мир. Наш мир раздолбайства и нигилизма исчезнет, превратится в мир, где всё КОНТРОЛИРУЕТСЯ, и за каждый шаг и слово, даже мысль придётся держать ответ... Это действительно страшно, и проще не думать об этом, утешаться детской истиной – не видно, значит нету...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.